

Ф. Д. КАПЕЛЮШ

Религия раннего капитализма

<Фрагменты>

<...>

Проведем параллель между гугенотами¹, пуританами, квакерами, анабаптистами и т. д. с одной стороны и нашим расколом — с другой. Мы можем сделать это здесь лишь в самых общих чертах, весьма кратко и бегло.

Как в Западной Европе, так и в Московской Руси религиозное движение того времени выражало — в последнем счете — те глубокие перемены, которые частью только назрели, частью уже совершились в экономике. Раскол был столь же политическим, сколь религиозным движением. Он имел в своей основе экономические и социальные сдвиги*. <...> Скопившееся недовольство проявлялось как в политическом, так и в религиозном движении. Раскол неизменно окрашивал собой почти все крупные бунты и движения.

<...> Бегло перечисленные факты, при всей их неполноте, выявляют сходство с религиозным движением в Западной Европе XVII в. в том смысле, что в обоих случаях религия служила оболочкой, маской, идеологическим костюмом для политических движений, возникших на социально-экономической основе. Точно так же, как кальвинизм был знаменем для республиканских и демократических устремлений юной буржуазии в боях английской революции, так и русский раскол служил знаменем в восстаниях посадских

* Мы пользуемся в дальнейшем А. П. Щаповым: «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII», «Земство и раскол» (Сочинения. Том первый. СПб., 1906), Мельгуновым: «Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв.», Н. М. Никольским: «История русской церкви» и др.

и мелких служилых людей, в восстаниях казаков и стрельцов, в крестьянских движениях того времени. Правда, среди староверческой оппозиции на первых порах встречаются также представители некоторых знатных боярских фамилий (Хованские, Салтыковы, Милославские, Соковнины, Стрешневы, Нарышкины, Феодосия Морозова, Евдокия Урусова), остатки прежней московской аристократии, издревле стоявшей в оппозиции; но и это находит себе аналогию в использовании кальвинизма феодальной знатью Франции (и Нидерландов) в их борьбе против королевской власти в XVI ст. Как и кальвинизм, раскол объединял все элементы, настроенные антиправительственно и революционно.

Нужды нет, что в содержании кальвинизма и раскола на первый взгляд бросаются в глаза не элементы сходства, а напротив, элементы расхождения, кальвинизм выступает против церковной традиции, раскол — именно за церковную традицию. Здесь не место подробнее останавливаться на анализе раскола. Отметим только, что как кальвинизм, так и раскол служили республиканским, революционным устремлениям даже своим мракобесием. Но если религия являлась в расколе главным образом только *флагом*, если само религиозное *содержание* раскола не играло существенной роли в политической оппозиции староверчества (во всяком случае — столь существенной, как содержание кальвинизма в боях английской революции), то отсюда никак не следует, что раскол был только внешним ярлыком, без внутренней, органической связи с общественным движением того времени.

У одного автора мы нашли такое противопоставление: «Подавляемые мощной рукою Петра, стрельцы свое политическое угнетение думали вознаградить своеволием в области религиозной»; и точно так же: «Укрощаемая несокрушимой силой единодержавия Украина силилась найти простор для мятежного своего духа в своеволии религиозном» (Иван Соколов. «Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках». М., 1880, с. 190; автор правоверен и архаичен, но у него собран фактический материал). Такого рода противопоставления совершенно произвольны и так сказать «механистичны». «Религиозное своеволие» раскола не было суррогатом политического протеста, как рисует его этот автор, а соединялось с этим протестом, выросло на основе закрепощения крестьян и правительственного гнета.

Параллель идет дальше. Она простирается также на экономическую роль старообрядцев и сектантов. Мы знаем, что гугеноты,

пуритане и секты Реформации были пионерами в области торговли и промышленности. Такими же пионерами были русские раскольники и сектанты.

<...> Как на Западе гугеноты и сектанты, так в московской России старообрядцы отличались трудолюбием, исправностью, солидарностью, трезвостью и т. п. качествами. Это можно объяснить не только тем, что еретики исключались из привилегий, даваемых государством правоверным гражданам (объяснение Зомбарта); в еретики шли как на Западе, так и в России наиболее активные и энергичные элементы населения. По-видимому, именно здесь была зарыта собака.

<...> Раскольники не потому «брались» за промышленность, чтобы задобрить правительство и ослабить преследования; здесь должна была быть более глубокая, внутренняя связь, между религиозной надстройкой и экономическим базисом, примерно та же, что и в Западной Европе (а также в американских колониях религиозных беженцев). Неправильно также противопоставление преобладания «простонародья» в первоначальном старообрядчестве позднейшему преобладанию купечества; оно неправильно в том отношении, что уже на первых порах, причем даже в социальных низах, раскол имеет экономическую подоплеку и связан с пионерством в экономической области. Здесь тоже можно провести параллель, с Западом, с ролью низов в первых шагах раннего капитализма, ролью, на которую указывают Вернер Зомбарт² и Макс Вебер³.

<...> Приведенные факты с достаточной убедительностью говорят о том, что и в России пионерство в области раннего капитализма связано было с особой религиозной идеологией, с расколом, что и здесь религия являлась надстройкой над экономическим базисом. Разумеется, это — лишь общее положение; необходим с этой точки зрения более глубокий анализ идеологии всех разновидностей раскола в связи с особенностями первых шагов капитализма в России. Мы можем отметить здесь только следующую черту: точно так же, как на Западе секты Реформации (анабаптисты⁴ и др.) из коммунистическо-мистических эволюционируют с течением времени в пионеров капитализма, так и в России наблюдается та же тенденция*.

* Отчасти сходство с Западом объясняется прямым заимствованием. Так, например, среди стрельцов нашли себе приют социинианство, анабаптизм и т. д.

Члены Выговской общины первоначально придерживались, как и общины «моравских братьев» и т. п., коммунизма, не имели частной собственности; «общежительный устав» Андрея Денисова предписывал, чтобы «ни один своего имения не имел ни до полмедницы». Аналогично обстояло дело и в ряде позднейших сект и толков, причем они с течением времени превращались в типичных хозяев-кулаков, в прасолов, отправлявших по стране по сотне коробейников, в фабрикантов. Отчасти параллель западным коммунистическо-аскетическим сектам представляет селивановщина (появилась она одновременно с пугачевщиной) с ее экзальтацией. Впоследствии даже «бегуны» оказываются «большей частью богатыми купцами и зажиточными мещанами и крестьянами» (Щапов). Замечательно, что даже скопцы воспевают себя в песнях как общество «плотничков и купцов русских», «все скопцы-купцы русские, миллионщики знаменитые». Скопчество, возникнув у хлыстов-крестьян, не привилось, ушло в город и нашло последователей среди купечества. Даже эта секта, «по-видимому более других уносящаяся в мистико-фантастический мир, является народом промышленным и ремесленным».

<...> Итак, если на Западе ранний капитализм сочетался с определенной религиозной идеологией буржуазии (кальвиновская догма благодати, аскетические тенденции), то и в России первые шаги капитализма получают определенную религиозную окраску. В обоих случаях нарождающаяся буржуазия далеко еще не выступает с свободомыслящей идеологией.

Объясняется это частыми соприкосновениями стрельцов с иностранцами. Стрельцы первые завязали также связь с квакерами, продолжавшуюся затем у духоборов. По свидетельству Гакстгаузена, духоборы в течение всего XVIII ст. находились в постоянных сношениях с квакерами Германии и Турции. И. Соколов (цит. соч.) пытается даже связать само возникновение раскола на Руси с возникновением протестантизма в Германии. Неслучайно, — говорит он, — первые семена раскола обнаруживаются почти одновременно с возникновением протестантизма в Германии, неслучайно Тридентский собор, на котором последовало окончательное отделение протестантов от католиков, совпал по времени со Стоглавым собором, этой главной основой отторжения раскольников от Православной церкви. Соколов имеет здесь в виду влияние протестантизма на раскол. Но и помимо этого влияния, аналогичные (разумеется, с приближением) причины вызвали аналогичные следствия. В России в конце XVII ст. перед нами эпоха господства торгового капитала, на Западе эпоха раннего капитализма. Они создавали в обоих случаях свою религиозную идеологию.

Выше указывалось на расхождение *содержания* идеологии русского раскола с идеологией Реформации на Западе. Повторяем: здесь нет возможности рассматривать этот вопрос во всем его объеме. Однако подчеркнем также черту сходства. Весьма характерен следующий раскольнический стих:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики;
Как и эти дураки,
Словно с медом бураки;
Как и в этих дураках
Сам Господь Бог пребывает.

В этом стихе, — говорит Щапов, — раскол возводит личность крестьянина до апофеоза: «христовщины» выражали не что иное, как мифическую, религиозно-антропоморфическую персонификацию крестьянского народовластия. В известном смысле мы имеем в этом стихе ту же идеологию «осенения» Божьим духом, что и в кальвиновской догме благодати, хотя эта догма как таковая не привилась в расколе*.

Содержательную и интересную попытку марксистского анализа раскола в его различных направлениях и толках мы находим в «Истории русской церкви» проф. Н. М. Никольского⁵. Автор разбирает боярское, посадское, крестьянское направления раскола, а также раскол у стрельцов (в связи с отнятием у них торговых льгот и т. п.) и казаков (борьба «домовитых» с «голытьбой»), разбирает отдельно «старообрядчество на почве торгового капитала» и «старообрядчество и скопчество на почве промышленного капитала». Проф. Никольский не удовлетворяется доказательством того, что раскол возникал на почве экономических и социальных условий; он делает также попытку показать, что само идеологическое содержание разных направлений раскола вызывалось

* Отчасти аналогичное настроение сказывается также уже у католических мистиков. Так, например, Ангелус Силезиус (1624–1677) в своем «Херувимском путнике» заявляет: «Я знаю, что Бог не может без меня существовать ни одно мгновение; если я превращусь в ничто, то он обязательно должен отдать свою душу», т. е. Бог существует только в верующем человеке. Если подобные мысли высказывались уже средневековыми мистиками, но только в эпоху раннего капитализма они получают реальный, земной смысл: воодушевляют пионеров капитализма на их борьбу за новый строй, внушают им сознание их избрания в орудия Бога.

этими условиями, отражало их. В «крестьянской реформации» конца XVII века Никольский видит особую «эсхатологическую» окраску: толки о конце мира, о пришествии антихриста, в связи с этим проповедь бегства от мира, очищения, искупления, эпидемию самосожжений.

<...> Зомбарт и Вебер подчеркивают роль низов в раннем капитализме на Западе; в России аналогичную роль играют раскольничьи массы. В обоих случаях это получило религиозную окраску. У Никольского мы находим даже следующую аналогию между идеологией кальвинистских монархомахов и идеологией посадского раскола: в 1718 г. подметное письмо Докукина апеллирует уже не к старинным вольностям, а к естественному, божественному праву человеческой личности, «самовластно ему (человеку) повелено быти», между тем мерами правительства «многие от оного божественного дара отрезаемы и свободной жизни лишаемы» (с. 112). Никольский находит аналогию даже между нашими скопцами и английскими «святыми» времен Кромвеля (с. 225). Действительно, аналогичны как экономический базис обоих движений, так и исходный пункт их идеологий. Как английские «святые», так наши скопцы (проект Елянского) брались вести все дела государства по наитию Святого Духа, причем подоплекой этого были интересы возникающего буржуазного строя.

<...> Итак, если на Западе ранний капитализм связывался с аскетическими тенденциями и с кальвиновской догмой благодати, то на Руси у колыбели капитализма стоят такие уродливые идеологические моменты, как пришествие антихриста, бегунство, скопчество и т. п. «Молодая буржуазия» никак не ознаменовала свое выступление на историческую арену свободомыслящей идеологией.

